
ИЗЪ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ К. О. РЫЛЪЕВА.

Окончаніе *).

Изъ „Войнаровскаго“ и изъ приведеннаго выше плана драмы видно, что Рылѣвъ, признавая въ Мазепѣ честолюбца, на многихъ его сторонниковъ смотрѣлъ какъ на искреннихъ патріотовъ, а изъ собственноручнаго списка „Думъ“ ¹⁾ можно заключить, что Рылѣвъ собирался написать или писалъ думу о Мазепѣ; можетъ быть, къ этой думѣ и относится слѣдующій набросокъ, которому предшествуютъ два отрывочные стиха:

Что ты задумалъ, хитрый Мазепа,
Что ты замыслилъ, Гетманъ сѣдой...

А затѣмъ идетъ пѣсня тѣхъ сторонниковъ Мазепы, которые, дѣйствительно, возстали изъ патріотизма:

Съ самопаломъ и булатомъ,
Съ пылкой храбростью въ сердцахъ,
Смѣло, други! братъ за братомъ,
На лихихъ своихъ коняхъ!
Смѣло грянемъ за свободу,

*) См выше: ноябрь, 195 стр.

1) Русск Стар. 1871, № 1, стр. 73.

Оградивъ себя крестомъ!
 Возвратимъ права народу
 Иль со славою умремъ!
 Пусть гремящей, быстрой славою
 Разнесетъ вездѣ молва,
 Что мечемъ въ битвѣ кровавой
 Приобрѣлъ козакъ права!
 Смѣло, други! въ бой свирѣпой!
 Жаждетъ битвы вѣрный конь!
 Смѣло, дружно за Мазепой,
 На мечи и на огонь!

Въ произведеніяхъ Рылѣева вообще мы очень часто встрѣчаемся съ Малороссіей, гдѣ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ.

По возвращеніи изъ заграничнаго похода, конно-артиллерійская № 11 рота, гдѣ служилъ Рылѣевъ, стояла сначала въ минской губ., а съ 1817 г. была переведена на квартиры въ острогожскій уѣздъ воронежской губерніи. Рылѣеву пришлось стоять въ селѣ Подгорномъ, гдѣ онъ познакомился съ семьей помѣщика М. Г. Тевяшева, на дочери котораго, Натальѣ Михайловнѣ, онъ потомъ женился (въ началѣ 1820 года), послѣ чего онъ и перѣхалъ жить въ Петербургъ; въ отставку изъ военной службы онъ вышелъ еще въ концѣ 1818 года, по требованію отца своей невѣсты. Потомъ изъ Петербурга Рылѣевъ опять не одинъ разъ ѣздилъ въ Острогожскъ; онъ былъ въ Подгорномъ лѣтомъ 1821, 1822 и 1824 годовъ. Изъ его писемъ мы видимъ, какъ онъ любилъ свое „счастливое, тихое, безмятежное уединеніе“ на Украинѣ. Въ одномъ изъ писемъ къ Пушкину Рылѣевъ говоритъ: „Петербургъ тошень для меня, онъ студитъ вдохновеніе: душа рвется въ степи“¹⁾... Малороссія дѣйствительно вдохновляла Рылѣева. Онъ писалъ на Украинѣ и писалъ объ Украинѣ. Во многихъ его произведеніяхъ мы встрѣчаемся съ темами изъ малороссійской исторіи. Такъ, единственная конченная поэма Рылѣева („Войнаровскій“) и двѣ начатыя („Наливайко“ и „Б. Хмельницкій“) касаются малороссійской исторіи; „Богдана Хмельницкаго“ онъ предполагалъ написать въ шести пѣсняхъ: „иначе не все выскажешь“, писалъ онъ Пушкину. Кромѣ того, мы встрѣчаемъ думу „Б. Хмельницкій“, а въ думѣ „Петръ Великій въ Острогожскѣ“ дѣйствующимъ лицомъ, героемъ, является Мазепа, къ которому Рылѣевъ обращается нѣсколько разъ. Въ послѣд-

¹⁾ Соч. Рыл., стр. 211. Ср. приведенное выше письмо къ Булгарину, Соч. стр. 216. Несмотря на свою любовь къ малороссійскому уединенію, Рылѣевъ съ негодованіемъ отвергъ мысль остаться тамъ навсегда; см. его посланіе къ Каховскому (1821, стр. 163), очень важное для характеристики поэта.

нихъ строфахъ этой думы, которыя Пушкинъ признавалъ чрезвычайно оригинальными, Рылѣевъ съ особенною любовью рисуетъ картину острогожскаго края, съ которымъ онъ такъ сроднился. Пушкинъ не одобрялъ „Исповѣди Наливайки“, но „Исповѣдь Наливайки“ проникнута искреннимъ чувствомъ, дающимъ всему отрывку цѣльность и силу. Въ нашихъ бумагахъ мы встрѣчаемъ нѣсколько черновыхъ набросковъ изъ „Наливайки“, и въ нихъ почти во всѣхъ мы видимъ глубокое чувство поэта, придающее имъ силу даже въ неотдѣланномъ, черновомъ видѣ.

Между прочимъ, мы находимъ такую программу: „Сельская картина. Правы Малороссiянъ. *Кіевъ. Чувства Наливайки. Картина Украйны.* Уніаты, еврей, поляки. Притѣсненія и жестокость поляковъ... ¹⁾ *Смерть старосты.* Возстаніе народа. Наливайко—гетманъ. Новыя жестокости поляковъ. *Походъ.* Сраженіе. Тризна. Миръ. Лобода и Наливайко въ Варшавѣ. Казнь ихъ. Эпилוגъ“. Тутъ же добавлено: „Наливайко въ темницѣ“, и еще: „Церковь. Пещера. *Походъ козаковъ. Молитва Наливайки.* Онъ можетъ и не хочетъ бѣжать“. Въ этой программѣ отмѣчено курсивомъ то, что было изъ нея исполнено. Кромѣ того, нѣкоторые отрывки, извѣстные намъ, не подходятъ подъ эту программу, какъ напр. самая Исповѣдь Наливайки, — о ней въ программѣ не говорится. Приведемъ имѣющіеся у насъ отрывки, доселѣ неизвѣстные, по возможности въ томъ порядкѣ, какъ они должны бы были слѣдовать въ самой поэмѣ.

Прежде всего отрывокъ, представляющій „картину Украйны“ подъ гнетомъ поляковъ:

Блеститъ весна; ея дыханьемъ,
 Какъ бы волшебнымъ врачеваньемъ,
 Край угѣсненный оживленъ;
 Все отрясаетъ зимній сонъ:
 Пестрѣетъ степь, цвѣтетъ долина,
 Одѣлся лѣсъ, стада бѣгутъ,
 Тяжелый плугъ поселянина
 Воли послушныя влекутъ;
 Кружится жаворонокъ звонкій,
 Лазурный тихій небосклонъ,
 И воздухъ чистый, воздухъ тонкій
 Благоуханьемъ напоенъ.

Всѣ веселятся, всѣ ликуютъ,
 Веснѣ цвѣтущей каждый радъ;
 Полякъ, еврей и уніатъ

¹⁾ Не разобрано.

Безпечно, буйственно пируютъ.
 Всѣ радостью оживлены,
 Одни украинцы тоскуютъ
 И имъ не въ праздникъ пиръ весны.
 Чтò за веселье безъ свободы,
 Чтò за весна—весна рабовъ!
 Имъ чужды всѣ красы природы,
 Въ душахъ ихъ вѣчный мракъ гробовъ.
 Печали облако не сходить
 Съ ихъ истомленного лица;
 На души ихъ, на ихъ сердца
 Все новую тоску наводитъ.
 Лагуерь небесъ, цвѣты полей
 (Имъ не отрадны, имъ не дивны)
 Глядятъ уныло на дѣтей,
 Всѣ радости для нихъ противны,
 И пѣсни дѣвъ ихъ заунывны,
 Какъ заунывенъ звукъ цѣпей ¹⁾).

Но Наливайко всѣхъ сильнѣй
 Томится думою и страждетъ;
 Его душа чего-то жаждетъ,
 Онъ чтò-то на сердцѣ таитъ;
 Друзей, родныхъ, семьи бѣжитъ,
 Одинъ въ степи пустынной бродитъ
 Нерѣдко онъ по цѣлымъ днямъ:
 Ему отрадно, сладко тамъ,
 Тамъ грусть душевную отводитъ
 Въ бесѣдѣ онъ съ самимъ собой,
 И изъ глуши въ Чигиринъ свой
 Назадъ спокойнѣе приходитъ.

Въ другой черновой чувства Наливайки въ степи описаны такъ:

Въ степи душѣ его просторъ,
 Въ степи свободнѣе онъ дышетъ,
 Тамъ ляховъ не встрѣчаетъ взоръ
 И воплей земляковъ не слышитъ...

Наливайко не тотчасъ рѣшился на возстаніе противъ ляховъ; его мучило сомнѣніе, не ухудшить ли неудачное возстаніе положенія его земляковъ. Вотъ его разговоръ съ какимъ-то другомъ:

¹⁾ Послѣ этого въ одной черновой слѣдуетъ недоконченное продолженіе:
 О, какъ несносно, какъ ужасно
 Подъ иго чуждое подпасть
 (И послѣ вольности прекрасной)
 Враговъ насильственную власть...

Ты правъ, мой другъ, люблю родныхъ;
 Мнѣ тяжко видѣть ихъ въ неволѣ,
 Всѣмъ жертвовать готовъ для нихъ,
 Но родину люблю я болѣ.
 Нѣтъ, не одна къ женѣ любовь
 Мой умъ быть осторожнѣй учишь,
 Нерѣдко дума сердце мучить,
 Не тѣтно ли прольется кровь?
 Чтò, если снова неудача?
 Вотъ я чего, мой другъ, боюсь:
 Тогда, тогда святая Русь
 Навѣкъ старою будетъ плача.

Наливайко все болѣе и болѣе убѣждается въ необходимости
 возстанія. Онъ въ этомъ смыслѣ и говоритъ своему другу Лободѣ:

„Ты другъ давно мнѣ, Лобода,
 Давно твои я чувства знаю,
 Твою любовь къ родному краю
 Я уважалъ, я чтилъ всегда;
 Ты ненавидишь, какъ злодѣевъ,
 И дерзкихъ ляховъ и евреевъ;
 Но ты отецъ, но ты супругъ,
 А ужъ давно пора, мой другъ,
 Быть не мужьями, а мужами“.
 Всѣхъ оковалъ какой-то страхъ,
 Всѣ пресмыкаются рабами
 И дерзостно надменный ляхъ
 Ругается надъ козаками.

Прежде чѣмъ окончательно рѣшиться на возстаніе, Наливайко,
 убивъ уже чигиринскаго старосту (Соч. Рылѣва, стр. 142 —
 143), отправляется въ Кіевъ, чтобы говѣть въ Печерской лаврѣ:

Протяжный звонъ колоколовъ
 Въ Печерской лаврѣ раздавался;
 Съ разсвѣтомъ изъ своихъ домовъ
 Народъ къ заутренѣ стекался.
 Одинъ, поодаль отъ другихъ,
 Шелъ Наливайко..
 Къ жилищу мертвецовъ святыхъ,
 И непритворное смиренье
 Въ очахъ ясняло голубыхъ.
 Какъ читатель ревностный закона,
 Къ вратамъ ограды подойдя,
 Крестомъ онъ осѣнилъ себя
 И сдѣлалъ три земныхъ поклона.
 Вотъ въ церкви онъ. Идетъ служенье,
 Съ кадильницъ вьется ениміамъ,
 Сребромъ и златомъ блещетъ храмъ,
 И кротко-сладостное пѣнье

Возносить души къ небесамъ.
 Въ углу, отъ всѣхъ уединенно.
 Колѣни преклоня смиренно,
 Онъ сталъ. Въ богатыхъ жемчугахъ
 Предъ нимъ Маріи ликъ сіяетъ:
 Объ угнетенныхъ землякахъ
 Онъ къ ней молитвы возсылаетъ;
 Лицо горитъ, и, какъ алмазь,
 Какъ драгоцѣнный перлъ, изъ глазъ
 Слеза порою упадаетъ.
 Такъ для него прошло семь дней;
 . . . молитвъ не пропускалъ,
 ветъ страстная..

Въ другой черновой этого же отрывка въ концѣ читаемъ:

Такъ цѣлый постъ его встрѣчали
 На каждой службѣ въ церкви сей..

Послѣ этого должна слѣдовать исповѣдь Наливайки (Соч. Рылѣва, стр. 43).

Наконецъ, возстаніе поднято. Козацкое войско выступаетъ въ походъ, Наливайко предается радостной надеждѣ:

Вѣтъ, вѣтъ, повѣваетъ
 Тихій вѣтръ съ Днѣпровскихъ водъ,
 Войско храбрыхъ выступаетъ
 Съ шумной радостью въ походъ.
 Полкъ за полкомъ безбрежной степью
 Иль тянутся лѣсистой цѣпью,
 Или несутся на рѣсяхъ.
 По сторонамъ на скакунахъ
 Гарцуютъ удалцы лихіе:
 То быстро, какъ орлы степные,
 Изъ глазъ умчаться, то порой,
 Дразня другъ друга, ѣдутъ тихо,
 То вскачь опять, опять стрѣлой
 И вдоль полковъ несутся лихо.
 Вослѣдъ за войскомъ идутъ вьюки,
 Свирѣлей, трубъ, суремокъ звуки,
 И гаркъ летящихъ удалцовъ,
 И шумъ, и пѣнье козаковъ,
 Все Наливайку веселило,
 Все добрымъ предвѣщаньемъ было.
 „Смотри,—онъ Лободѣ сказалъ,—
 Какъ измѣнилось все. Давно ли
 Козакъ съ печали увядалъ,
 Стоналъ и подъ ярмомъ неволи
 Въ себѣ всѣ чувства подавлялъ?
 Возьмутъ свое права природы;
 Безсмертна къ родинѣ любовь,

Раздастся гласъ святой свободы,
И рабъ проснется къ жизни вновь.

Противъ козаковъ выступили поляки подъ начальствомъ Жолкевскаго. Оба войска расположились лагерями около Чигирина. Поэтъ описываетъ оба лагеря въ ночь передъ сраженіемъ:

Глухая ночь. Молчитъ рѣка.
Луна сокрылась въ облака,
И Чигиринъ, и оба стана
Обвиты саваномъ тумана.

Вокругъ костровъ шумять и пьютъ
Толпами буйные поляки;
Ихъ души яростныя ждуть,
Какъ праадника, кровавой драки.
Одни враговъ своихъ клянутъ,
Другіе спорять, тѣ поютъ,
Тотъ, богохульствуя, хохочетъ,
Тотъ хвалится лихимъ конемъ,
Тотъ саблю дѣдовскую точитъ
И дерзостно надъ козакомъ
Побѣду землякамъ пророчитъ.

Въ кунтушѣ пышномъ, на коврѣ
Жолкевскій спитъ въ своемъ патрѣ.
Надъ нимъ летаетъ страшный сонъ ¹⁾:
Въ Варшавѣ площадь видитъ онъ,
На площади костеръ высокій,
Въ срединѣ столбъ. Палачъ жестокій
Кого-то въ саванѣ влечетъ;
Вослѣдъ ему народъ толпамъ
Изъ улицъ медленно идетъ
И головы свои несетъ
Окровавленными руками,
Поднявъ ихъ страшно надъ плечами...
Вотъ неизвѣстный съ палачомъ
Къ костру подходитъ безъ боязни.
Взошли... безмолвіе кругомъ...
Вотъ хладный исполнитель казни
Его къ столбу ужъ привязалъ,
Зажегъ костеръ, костеръ вспыхнулъ,
И надъ высокими домами
Понесся черный дымъ клубами.
Вдругъ въ небесахъ раздался гласъ:
„Свершилось все! на васъ, на васъ,
Страдальца кровь и шумъ проклятій!
Погибъ, но онъ погибъ за братій!“

¹⁾ Описаніе сна сохранилось въ четырехъ рукописяхъ, почти не отличающихся другъ отъ друга. См. дальше конецъ одной изъ нихъ.

Народъ ужасно застоналъ,
 Кругомъ костра тошиться сталъ
 И, головы бросая въ пламень,
 Назадъ по площади бѣжалъ
 И упалъ на хладный камень...
 Ручьями кровь текла изъ шей,
 Дрова и головы пылали..
 Вдругъ все сокрылось изъ очей,
 Палачъ, костеръ и всё...

Межъ тѣмъ, потопленный въ туманахъ ¹⁾,
 Козацкій таборъ на курганахъ
 Спокойно дремлетъ вдоль рѣки;
 Какъ звѣзды въ небесахъ пустынныхъ,
 Кой-гдѣ чуть свѣтять огоньки;
 Вкругъ нихъ у коневязей длинныхъ
 Лежать рядами козаки.
 Сны благодатные надъ ними
 Летаютъ рѣзвою толпой:
 Тотъ зреть себя между родными
 Подъ кровомъ хижины родной;
 Сей, по Днѣпру раскинувъ сѣти,
 Обрато къ берегу швыреть,
 Вотъ сотни рыбъ на ставъ влечеть...
 Напрасно Тамсинъ быстры воды,
 Шумя, въ очеретахъ струить,
 напрасно, вѣстникъ непогоды,
 Вѣтръ буйный по степи шумить:
 Спать сладко ратники свободы,
 Ихъ сна ничто не возмутить...

Сонъ Жолкевскаго встрѣчается въ четырехъ черновыхъ рукописяхъ, мало отличающихся другъ отъ друга; только въ одной изъ нихъ сонъ (переписанный отдѣльно, съ заглавіемъ) кончается такъ:

И упалъ на хладный камень...
 Все тихо... только кровь шумить...
 Во снѣ Жолкевскій страшно стонеть,
 Трепещеть, молится... вдругъ зреть,
 Что онъ въ волнахъ кровавыхъ тонеть...
 Душа невольно обмерла;
 Сонъ отлетѣлъ; въ шатрѣ лишь мгла,
 Но онъ, но онъ еще не знаетъ,
 Что въ крупныхъ капляхъ упадетъ—
 Иль кровь, иль потъ съ его чела...

¹⁾ Описаніе козацкаго лагеря сохранилось въ двухъ редакціяхъ; начало общее въ обѣихъ, стихи 8—14 находятся только въ одной, а въ другой они только были начаты и зачеркнуты, зато въ ней находятся послѣдніе шесть стиховъ.

Въ противоположность страшному сну Жолкевскаго посреди польскаго шумнаго лагеря Рылѣвъ, кажется, хотѣлъ представить тихую молитву Наливайки среди спящихъ козаковъ:

Ты зришь, о Боже всемогущій!
 Злодѣйствамъ ляховъ нѣтъ числа;
 Какъ дубъ на темѣ горъ растущій,
 Тирановъ дерзость возросла.
 Я невиновенъ, Боже правый,
 Когда здѣсь хлынетъ кровь рѣкой;
 Войну воздвигъ я не для славы,
 Я поднялъ мечъ за край родной;
 Ты лицемѣровъ ненавидишь,
 Ты грозно обличаешь ихъ;
 Ты съ высоты небесъ святыхъ
 На днѣ морскомъ песчинку видишь;
 Ты пронцаешь, мой Творецъ,
 Въ изгибы тайные сердцець...

Всѣ отрывки изъ „Наливайки“ проникнуты стремленіемъ къ козацкой вольности. Въ бумагахъ мы находимъ еще нѣсколько набросковъ, особенно ярко выражающихъ то же чувство; нѣкоторые изъ нихъ стоятъ въ прямой связи съ „Наливайкой“ и исторіей борьбы Малороссіи съ Польшею за независимость:

Забывъ вражду великодушно,
 Движенью тайному послушный,
 Быть можетъ, я еще могу
 Дать руку личному врагу;
 Но вѣковыя оскорбленья
 Тиранамъ родины прощать
 И стыдъ обиды оставлять
 Безъ справедливаго отмщенья
 Не въ силахъ я; одинъ лишь рабъ
 Такъ можетъ быть и подль, и слабъ.
 Могу ли равнодушно видѣть
 Порабощенныхъ земляковъ?..
 Нѣтъ, нѣтъ! мой жребій: ненавиждѣть
 Равно тирановъ и рабовъ.

Или:

Нѣтъ, нѣтъ, невольники не въ силахъ
 Пылать огнемъ высокихъ думъ;
 Не кровь, вода течетъ въ ихъ жилахъ,
 Ихъ чувства спятъ, ихъ дремлетъ умъ.

Еще:

Нѣтъ примиренья, нѣтъ условій
 Между тираномъ и рабомъ;
 Тутъ надо не чернить, а крови,
 Намъ должно дѣйствовать мечемъ.

Народъ ужасно застоналъ,
 Кругомъ костра толпиться сталъ
 И, головы бросая въ пламень,
 Назадъ по площади бѣжалъ
 И упалъ на хладный камень...
 Ручьями кровь текла изъ шей,
 Дрова и головы пылали..
 Вдругъ все сокрылось изъ очей,
 Палачъ, костеръ и всё...

Межъ тѣмъ, потопленный въ туманахъ ¹⁾,
 Козацкій таборъ на курганахъ
 Спокойно дремлетъ вдоль рѣки;
 Какъ звѣзды въ небесахъ пустынныхъ,
 Кой-гдѣ чуть свѣтятъ огоньки;
 Вкругъ нихъ у коневязей длинныхъ
 Лежать рядами козаки.
 Сны благодатные надъ ними
 Летаютъ рѣзвою толпой:
 Тотъ зрить себя между родными
 Подъ кровомъ хижины родной;
 Сей, по Днѣпру раскинувъ сѣти,
 Обрато къ берегу плыветь,
 Вотъ сотни рыбъ на ставъ влечеть...

Напрасно Тямсинъ быстры воды,
 Шумя, въ очеретахъ струить,
 напрасно, вѣстникъ непогоды,
 Вѣтръ буйный по степи шумить:
 Снять сладко ратники свободы,
 Ихъ сна ничто не возмутить...

Сонъ Жолкевскаго встрѣчается въ четырехъ черновыхъ рукописяхъ, мало отличающихся другъ отъ друга; только въ одной изъ нихъ сонъ (переписанный отдѣльно, съ заглавіемъ) кончается такъ:

И упалъ на хладный камень...
 Все тихо... только кровь шумить...
 Во снѣ Жолкевскій страшно стонеть,
 Трепещетъ, молится... вдругъ зрить,
 Что онъ въ волнахъ кровавыхъ тонеть...
 Душа невольно обмерла;
 Сонъ отлетѣлъ; въ шатрѣ лишь мгла,
 Но онъ, но онъ еще не знаетъ,
 Что въ крупныхъ капляхъ упадетъ—
 Иль кровь, иль потъ съ его чела...

¹⁾ Описаніе козацкаго лагеря сохранилось въ двухъ редакціяхъ; начало общее въ обѣихъ, стихи 8—14 находятся только въ одной, а въ другой они только были начаты и зачеркнуты, зато въ ней находятся послѣдніе шесть стиховъ.

Въ противоположность страшному сну Жолкевскаго посреди польскаго шумнаго лагеря Рылѣвъ, кажется, хотѣлъ представить тихую молитву Наливайки среди спящихъ козаковъ:

Ты зришь, о Боже всемогущій!
 Злодѣйствамъ ляховъ нѣтъ числа;
 Какъ дубъ на темѣ горъ растущій,
 Тирановъ дерзость возросла.
 Я невиновенъ, Боже правый,
 Когда здѣсь хлынетъ кровь рѣкой;
 Войну воздвигъ я не для славы,
 Я поднялъ мечъ за край родной;
 Ты лицемѣровъ ненавидишь,
 Ты грозно обличаешь ихъ;
 Ты съ высоты небесъ святыхъ
 На днѣ морскомъ песчинку видишь;
 Ты пронцаешь, мой Творецъ,
 Въ изгибы тайные сердцецъ...

Всѣ отрывки изъ „Наливайки“ проникнуты стремленіемъ къ козацкой вольности. Въ бумагахъ мы находимъ еще нѣсколько набросковъ, особенно ярко выражающихъ то же чувство; нѣкоторые изъ нихъ стоятъ въ прямой связи съ „Наливайкой“ и исторіей борьбы Малороссіи съ Польшею за независимость:

Забывъ вражду великодушно,
 Движенью тайному послушный,
 Быть можетъ, я еще могу
 Дать руку личному врагу;
 Но вѣковыя оскорбленья
 Тиранамъ родины прощать
 И стыдъ обиды оставлять
 Безъ справедливаго отмщенья
 Не въ силахъ я; одинъ лишь рабъ
 Такъ можетъ быть и подлѣ, и слабъ.
 Могу ли равнодушно видѣть
 Порабощенныхъ земляковъ?..
 Нѣтъ, нѣтъ! мой жребій: ненавиждѣть
 Равно тирановъ и рабовъ.

Или:

Нѣтъ, нѣтъ, невольники не въ силахъ
 Пылатъ огнемъ высокихъ думъ;
 Не кровь, вода течетъ въ ихъ жилахъ,
 Ихъ чувства спятъ, ихъ дремлетъ умъ.

Еще:

Нѣтъ примиренья, нѣтъ условій
 Между тираномъ и рабомъ;
 Тутъ надо не чернить, а крови,
 Намъ должно дѣйствовать мечемъ.

Сбоку при черновомъ описаніи скитаній Наливайки по степи набросано четверостишіе, встрѣчающееся въ другомъ листѣ и отдѣльно:

Вражда къ тиранамъ непримѣтна;
Спокойны гордые умы;
Но такъ порой спокойна Этна
Подъ хладнымъ черепомъ зимы.

Въ печати извѣстно посланіе Рылѣва къ NN: „Ты посѣтитъ, мой другъ, желала“ ¹⁾). Въ черновой рукописи мы находимъ эту элегію съ другимъ совершенно концомъ: вмѣсто двухъ послѣднихъ куплетовъ слѣдуютъ еще шесть, придающихъ совсѣмъ другой тонъ всей пьесѣ:

Ты посѣтитъ, мой другъ, желала
Уединенный уголь мой,
Когда душа пзнемогала
Въ борьбѣ съ болѣзнью роковой.

Твой милый взоръ, твой взоръ волшебный
Хотѣлъ страдальца оживить,
Хотѣла ты покой цѣлебный
Въ взволнованную душу влить.

Твое отрадное участие,
Твое вниманье, милый другъ,
Мнѣ снова возвращаютъ счастье
И исцѣляютъ мой недугъ.

Я не хочу любви твоей,
Я не могу ее присвоить,
Я отвѣчать не въ силахъ ей,
Моя душа твоей не стоитъ.

Полна душа твоя всегда
Однихъ прекрасныхъ ощущеній,
Ты бурныхъ чувствъ моихъ чужда,
Чужда моихъ суровыхъ мнѣній.

Прощаешь ты врагамъ своимъ,
Я незнакомъ съ симъ чувствомъ нѣжнымъ
И оскорбителямъ моимъ
Плачу отмщеньемъ неизбѣжнымъ.

Лишь временно кажусь я слабъ,
Движеніемъ души владѣю,
Не христіанинъ и не рабъ,
Прощать обидъ я не умѣю.

¹⁾ Соч., стр. 179.

Мнѣ не любовь (теперь) нужна,
 Занятя нужны мнѣ иныя,
 Отраднa мнѣ одна война,
 Однѣ тревоги боевыя.

Любовь никакъ нейдетъ на умъ.
 Увы! моя отчизна страждетъ;
 Душа въ волненьи тяжкихъ думъ
 Теперь одной свободы жаждетъ.

.

Въ бумагахъ находится еще одно стихотвореніе Рылѣва, напечатанное въ 1828 году, безъ имени автора; хотя и сохранялось преданіе о принадлежности этихъ стиховъ Рылѣву ¹⁾, но доказательствъ этой принадлежности никакихъ не было; теперь подлинная рукопись доказываетъ ее несомнѣнно.

Печатная исторія этого стихотворенія довольно интересна. Выше уже было сказано, что наше собраніе принадлежало прежде Ан. Ан. Ивановскому, который служилъ при ген. Бенкендорфѣ; но Ивановскій вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и литераторомъ. Въ 1828 году онъ издалъ альманахъ: „Альбомъ Сѣверныхъ Музъ“, скрывъ свое имя подъ буквами А. И. Альманахъ начинается повѣстью самого издателя, тоже подписанною А. И. Въ отдѣлѣ прозы мы встрѣчаемъ имена Сомова, Булгарина, Старожилова, Сенковскаго, а въ отдѣлѣ стиховъ—имена Пушкина (Талисманъ), Вяземскаго, Туманскаго, Языкова, Глинки, Подолинскаго, Козлова, Олина, Щастнаго, гр. Хвостова, Ознобишина и нѣкоторыхъ другихъ; тутъ, между прочимъ, мы находимъ и пьесу „На смерть Байрона“, подписанную *** и помѣченную 1825 г. Надо замѣтить, что Ивановскій въ 1828 г. находился еще на службѣ при гр. Бенкендорфѣ, когда онъ для своего альманаха взялъ это стихотвореніе Рылѣва (Ивановскій вышелъ въ отставку въ 1829 году). Но для того, чтобы напечатать стихи даже безъ имени Рылѣва, ихъ пришлось нѣсколько измѣнить и смягчить: издателю приходилось быть очень осторожнымъ, чтобы какъ-нибудь не обратили вниманія на стихотвореніе и не стали доискиваться имени автора. Поэтому подлинный текстъ отличается нѣсколько отъ печатнаго, а подлинная рукопись сохранила на себѣ слѣды этой смягчающей передѣлки. Сначала издатель ²⁾ думалъ ограничиться нѣсколькими смягчающими поясненіями; такъ напр.,

¹⁾ „Русск. Старина“, 1872, стр. 440, замѣтка Любителя старины.

²⁾ Не зная почерка Ивановскаго, не можемъ сказать, кѣмъ были сдѣланы въ рукописи измѣненія; поправки тутъ двухъ разныхъ почерковъ, однѣ крупно, карандашомъ, другія мелко, чернилами.

при стихѣ— „властей не признавалъ“ —сдѣлана выноска: „въ поэзіи“, или при словахъ — „тираны и рабы“ —пояснено: „турки“. Но такія поясненія, казалось, были недостаточны для того, чтобы смягчить тонъ пьесы, и издатель счелъ за лучшее измѣнить нѣкоторые стихи: въ рукописи мы находимъ поправки чернилами, не принадлежація Рылѣву; впрочемъ иногда поправки сдѣланы и не изъ цензурныхъ видовъ. Я приведу всю мѣсу по оригинальному тексту, а въ примѣчаніяхъ укажу карандашныя и чернильныя поправки рукописи, а также отличія печатнаго текста по „Альбому Сѣверныхъ Музъ“.

НА СМЕРТЬ БАЙРОНА.

О чемъ средь ужасовъ войны
Тоска и трауръ погребальный?
Куда бѣгутъ на зовъ печальный
Священной Греціи сыны?
Давно отъ слезъ и крови взмокла
Эллада средь ¹⁾ святой борьбы;
Какою-жъ вновь бѣдой судьбы
Грозятъ отчизнѣ Ѳемистокла?

Чему на шаткомъ тронѣ радъ
Тиранъ ²⁾ роскошнаго Востока,
За что благодарить Пророка
Слѣшать въ Стамбулѣ старъ и младъ?
Зрю: въ Миссолонгѣ гробъ средь храма
Предъ алтаремъ святымъ стоитъ,
Весъ ³⁾ катафалкъ огнемъ блеститъ
Въ прозрачномъ дымѣ ѳиміама.

Рыдая, вокругъ его кипитъ
Толпа шумящаго народа,
Какъ будто въ гробѣ томъ свобода
Воскресшей Греціи лежитъ,
Какъ будто цѣпи вѣковыя
Готовы вновь тягчить ее ⁴⁾,
Какъ будто идутъ на нее
Султанъ и грозная Россія..

Царица гордая морей!
Гордись не силою гигантской,

¹⁾ Попр.: въ дни.

²⁾ Альб. Сѣв. М.: Султанъ.

³⁾ Попр.: и.

⁴⁾ Альб.: Влачить опять она должна,
И вновь ярмомъ отягчена
Возникнувшей Эллады' воля...

Но прочной славою гражданской,
И доблестью своихъ дѣтей.
Парящій умъ, свѣтило вѣка,
Твой сынъ, твой другъ и твой поэтъ,
Увянулъ Байронъ въ цвѣтѣ лѣтъ
Въ святой борьбѣ за вольность грека.

Изъ океана своего
Текутъ лѣта съ чудесной силой:
Нѣтъ ничего уже, что было,
Что есть, не будетъ ничего.
Грядой возлягутъ на твердыни
Почить усталые вѣка,
Ихъ безошадная рука
Преобразитъ поля въ пустыни.

Исчезнутъ порты въ тѣмѣ времянь,
Падутъ и заустѣютъ грады,
Погибнутъ страшныя Армады,
Возникнетъ новый Кароагентъ...
Но сердца подвигъ благородной
Пребудетъ для души молодой ¹⁾
Къ могилѣ Байрона святой
Всегда звѣздою путеводной.

Британецъ дряхлый позднихъ лѣтъ
Придетъ, могильный холмъ укажетъ,
И гордымъ внукамъ гордо скажетъ:
Здѣсь спитъ возвышенный поэтъ!
Онъ жилъ для Англіи и міра,
Былъ къ удивленью вѣка онъ
Умомъ Сократъ, душой Катонъ
И побѣдителемъ Шекспира.

Онъ все подъ солнцемъ разгадалъ,
Къ гоненьямъ рока равнодушень,
Онъ гевію лишь былъ послушенъ,
Властей ²⁾ другихъ не признавалъ.
Съ коварнымъ смѣхомъ обнажила
Судьба предъ нимъ людей сердца,

1) Альб.: Не истребитсѣ никогда!
Къ могилѣ Байрона всегда
Звѣздой онъ будетъ путеводной.

2) Карандашомъ сдѣлано примѣчаніе: „въ поэзіи“. Затѣмъ чернилами приписано:
И дара музъ не унижалъ

Или:

Священный огонь въ груди питалъ.

Первый изъ этихъ стиховъ и напечатанъ въ Альб. С. Музъ.

Но пылкая душа пѣвца
Презрительныхъ не разлюбила ¹⁾.

Когда онъ кончилъ юный вѣкъ
Въ странѣ отъ родины далекой,
Убитый грустію жестокой
Объ немъ сказалъ Европѣ грекъ:
Друзья свободы и Эллады ²⁾
Вездѣ въ слезахъ въ укоръ судьбы;
Одни тираны и рабы ³⁾
Его внезапной смерти рады.

Это стихотвореніе для насъ интересно отношеніемъ Рылѣва къ Байрону. Рылѣвъ выдвигаетъ на первый планъ участіе Байрона въ борьбѣ за грековъ и вообще гордое свободолюбіе его генія. Вліяніе Байрона на русскую поэзію было очень сильно, но у нашихъ поэтовъ обыкновенно замѣчается именно недостатокъ пониманія общественнаго значенія Байрона, недостатокъ сочувствія къ этой сторонѣ его поэзіи. Въ этомъ отношеніи за Рылѣвымъ несомнѣнное преимущество, несомнѣнная заслуга ⁴⁾.

Обращаюсь еще къ „Альбому Сѣверныхъ Музъ“. Въ немъ кромѣ стихотворенія „На смерть Байрона“ еще тѣми же звѣздочками *** помѣчены двѣ прозаическія статьи: „Тоска“ (стр. 121) и „Мысли и замѣчанія“ (стр. 325), а также стихотвореніе „Андрей, князь Переяславскій“, отрывокъ изъ повѣсти. Въ рукописяхъ (принадлежавшихъ прежде Ивановскому) нѣтъ ничего подходящаго для этихъ произведеній. Обѣ прозаическія статьи ничѣмъ не напоминаютъ Рылѣва, но стихотвореніе, и по темѣ, и отчасти по стику, похоже нѣсколько на думы Рылѣва. Впрочемъ, въ такомъ видѣ, какъ оно напечатано, оно представляетъ неясный и неполный отрывокъ.

Рылѣвъ, какъ мы видѣли, зналъ и любилъ Малороссію. Но въ своихъ стихотвореніяхъ онъ обращался еще къ другой части

¹⁾ Карандашомъ сдѣлано примѣчаніе: „его оскорбителей“; чернилами подчеркнуто слово: презрительныхъ, и приписано:

Людей не вовсе разлюбила..

Такъ и напечатано въ Альб. С. Музъ (безъ курсива).

²⁾ Альб.: Друзья терзаемой Эллады.

³⁾ Карандашомъ замѣчено: „турки“, а внизу приписано:

Султана гордые рабы

Одни его кончинѣ рады.

Въ Альбомѣ Сѣв. Музъ предпоследній стихъ:

Лишь Магометовы рабы.

⁴⁾ См. статью Н. И. Стороженва: „Рус. Вѣд.“ 1888, № 34.

Россіи, къ ея великой восточной Украинѣ, къ Сибири. Въ описаніяхъ дикой и суровой сибирской природы у Рылѣва слышится извѣстное сочувствіе къ „странѣ мятелей и снѣговъ“, къ странѣ, которую потомъ такъ полюбили пережившіе его товарищи...

Извѣстно, что все дѣйствіе поэмы „Войнаровский“ происходитъ въ Сибири, въ этой „обширной узниковъ тюрьмѣ“; дума „Смерть Ермака“ переноситъ насъ ко времени завоеванія Сибири, и Ермакъ говоритъ, что онъ и его товарищи не праздно въ мірѣ жили: присоединеніемъ Сибири они заслужили благословеніе отчизны. Къ Сибири обращается Рылѣвъ еще въ недоконченныхъ отрывкахъ: „Будь ласковъ, дѣдушка, ко мнѣ“, и „Въ краю, гдѣ солнце рѣдко блещетъ“¹⁾. Черновые наброски, сохранившіеся въ бумагахъ, показываютъ, что оба отрывка принадлежатъ къ одному замыслу.

Въ странѣ угрюмой и глухой²⁾,
Гдѣ Сосва съ бурей часто воеетъ
И берегъ дикій и крутой
Шумящею волною роетъ,
Между кудрявымъ тальникомъ,
Близъ церкви, осѣненной боромъ,
Чернѣетъ обветшалый домъ
Съ полуразрушеннымъ заборомъ.

Будь ласковъ, дѣдушка, ко мнѣ³⁾:
Скажи, надъ чьей простой могилой
Стоитъ подъ елью, въ сторонѣ,
Къ землѣ сълонившись, крестъ унылый?
Сугробы снѣга занесли
Пустынный холмъ и все кладбище,
Тамъ церковь новая вдали,
Тутъ обветшалое жилище.
Съ могилки двѣ стези бѣгутъ:
Одна бѣжитъ по косогору
Въ убогій нищеты пріютъ,
Другая змѣйкой вьется съ бору...

¹⁾ Соч. стр. 180 и 183.

²⁾ Ср. Соч. Рылѣва, стр. 183.

³⁾ Такъ, эти оба отрывка написаны одинъ за другимъ на одной страницѣ: они относятся къ одной и той же задуманной пьесѣ. Отрывокъ: „Будь ласковъ“ написанъ еще и отдѣльно, полнѣе и разборчивѣе: въ этой редакціи я его и привожу. Надо еще прибавить, что этотъ отрывокъ (первые 12 стиховъ) написанъ тутъ (отдѣльно) сначала въ этой редакціи, какъ онъ напечатанъ (Соч. Рыл., 180), но затѣмъ сдѣланъ поправки; онъ и помѣщается здѣсь въ такомъ исправленномъ видѣ.

Не въ снхъ мѣстахъ мнѣ край родной:
 Я на чужбинѣ здѣсь, я въ ссылке;
 Скажи мнѣ, дѣдушка сѣдой!
 Чей прахъ почиеть въ той могилкѣ?
 — Какъ ты, изъ дальней стороны
 Въ сей край изгнанныи судьбою,
 Подъ той могилою простою
 Отець и дочь схоронены...

 Отець, какъ здѣсь болтали тайно,
 Былъ другомъ мудраго Петра...

 Любилъ уединенье онъ ¹⁾):
 Склоняся на руку главой,
 Угрюмый, мрачный и безмолвный,
 Онъ часто, позднею порой,
 Сидѣлъ на паперти церковной...

 (Тутъ познакомился я съ нимъ,
 Онъ подалъ мнѣ на дружбу руку)...

Этотъ „другъ мудраго Петра“ — кн. А. Д. Меншиковъ, умершій въ 1723 году въ Березовѣ и похороненный тамъ вмѣстѣ со своею старшею дочерью, бывшею невесткою Петра II.

Въ бумагахъ есть еще отрывокъ, касающійся Сибири:

Такъ за мечтою легкокрылой
 Отъ шумныхъ Невскихъ береговъ
 Перелеталъ пѣвецъ унылой
 Въ страну изгнанья и снѣговъ
 (Суровый край! краса природы!)..

Другіе отрывки и черновые наброски, сохранившіеся въ бумагахъ, весьма отрывочны и неотдѣланы, потому не представляютъ никакого интереса и не могутъ имѣть значенія для литературной біографіи поэта.

В. Якушкинъ.

¹⁾ Эти отрывочныя строки написаны отдѣльно.

ВѢСТНИКЪ СВЯТЫХЪ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБИМЦУ.

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТИЙ ГОДЪ.—КНИГА 12-я.

ДЕКАБРЬ, 1888.

ПЕТЕРБУРГЪ.